

A movie poster with a dark, atmospheric night scene in a graveyard. A young woman with long dark hair, wearing a dark hooded jacket and jeans, is crouching behind a large, ornate tombstone. The tombstone features a relief of a woman's face and a crescent moon at the top. In the background, a large, multi-story house with lit windows stands behind a black iron fence. The sky is dark with a crescent moon and scattered clouds. Small, glowing purple lights are scattered across the grass and tombstones. The overall mood is mysterious and slightly scary.

МИНАЗЕВА
АЛЕКСАНДРА

ВСТРЕТИМСЯ ВО СНЕ?

Люблю быть наедине с собой.
Страшно боюсь

Александра Миназева

Встретимся во сне?

«Автор»

2026

Миназева А.

Встретимся во сне? / А. Миназева — «Автор», 2026

Моя книга про девушку Тасю с уникальным даром: она понимает и меняет реальный мир во сне. Она способна транслировать свои сны другим людям, способна "заказывать" сны для себя. Но у дара есть пугающая особенность. Ее кошмары не просто тревога и фантазия, ее кошмары - это предупреждения. Ими нельзя управлять, их нельзя игнорировать. Они требуют действий в реальности. Один из кошмаров пророчит смерть близкому человеку. У нее есть время все исправить. Но как? Встретимся во сне? - однажды спросит она того, кто все объяснит.

© Миназева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александра Миназева

Встретимся во сне?

Глава 1

На маленькой улице стоит большой дом. Вот как мы начнем наше знакомство. Этот большой дом принадлежит одной женщине, очень из себя интересной, умной, начитанной, гибкой... А у этой женщины есть внучка Тася.

Не то чтобы Тася живет у женщины — просто временно внучка перебралась к бабушке, потому что это такой этап взросления. И не то чтобы Тася ругалась с родителями — просто однажды предложила им базироваться чаще у бабушки.

— Бабушке надо помогать, — говорила Тася, — а мне не сложно.

На деле же у Таси был коварный план, согласно которому она живет более самостоятельную жизнь с тем человеком, который по-родственному несомненно близок ей, а по факту не столь настойчив в воспитании. В данной концепции уживалось множество полезных вещей:

Телефон, в который никто не глядит,

Отсутствие младших братьев и сестер, которых нужно развлекать,

Уборка на усмотрение трудящегося,

Возможность иногда покуривать в уличном туалете,

И конечно же, достаточно места для творчества.

У бабушки есть большой дом, большой двор, большая библиотека, все большое... Кроме бабушки. Бабушка — женщина маленькая. Росту в ней около 155 см, не худая, но и не полная, руки маленькие, изящные. Бабушка всегда носила платья и смелый макияж, спала как и полагается в бигудях, отчего в течение всего дня ее кудрявая прическа оставалась безупречной. Бабушка была первым человеком из всех предыдущих поколений родственников, кто получил высшее образование.

Тася очень гордилась своей бабушкой, и хотя многие молодые стремления бабушка не способна была одобрить, те, которые от нее не скрывались, она поддерживала на 100 процентов.

— Что читаешь? — вошла на кухню и начала раскладывать на столе косметику бабушка.

— Латынь. Решила за лето освоить, — охотно оторвала глаза от тетради Тася.

— Явно уже не успеешь, — бабушка невнятно хихикнула. Потом кашлянула и добавила: — Хотя у нас в студенчестве как было: «За сколько выучишь китайский? — А когда сдавать?»

И она снова засмеялась, но уже четко и звонко, как смеются бабушки, когда им смешно. Засмеялась до красных щек.

— А мне все не надо знать, я и без разговорной речи как-нибудь протяну, — с улыбкой парировала Тася. Через секунду ей пришел на ум еще более колкий ответ, и она гордо добавила: — Хочу себе татуировку умную, вот изучаю макеты.

— У твоего деда была глупая татуировка на запястье. Имя свое выцарапал. Так ему, когда должность дали, рубашечку, пиджак надел, а на руке эта стыдоба. Ходил, манжеты отворачивал. Поэтому ты с выбором не торопись, самую умную выбирай.

Тася улыбнулась. Она любила бабушкины истории, даже если та рассказывала их в сотый раз.

Бабушка Таси много общалась. У нее всегда было с кем погулять.

— Куда собираешься? — Тася толкнула взглядом бабушкину косметику.

— Да с бабами сидеть. Сейчас лицо надену.

— Надолго?

— Со мной пойдешь? — бабушка изобразила насмешку. Конечно, кому может быть интересно сидеть с бабушками на лавочке, но Тася и этому была бы рада. Больно скучно ей вечерами. Но девушке придется гордо отказаться, потому что, конечно, ей будет незачем там сидеть... Хотя они с бабушкой смотрят одни и те же сериалы, переживают за одних и тех же героев, предпочитают одно и то же мороженое, да и вообще им совершенно никто не нужен. Но сплетни сами себя не соберут.

Тася вздохнула и гордо фыркнула:

— Не... я не хочу...

И демонстративно уткнулась взглядом в тетрадь.

Дверь хлопнула. По коридору послышались отдаляющиеся шаги. А потом... все они стихли.

В больших домах всегда есть какие-то звуки. Некоторые люди сознательно оставляют включенным телевизор на ночь, чтобы маскировать дыхание дома.

Бабушкин дом звучал тиканьем больших советских часов на кухне и периодическим гудком холодильника.

Гудок...

Тасю клонило ко сну. Она оттягивала верхнюю губу и крутила карандашом, но буквы все равно начинали плыть.

Гудок... Гудок поезда. Поезд мчит на нее.

— Нет! Нет! — хотелось закричать, но слова не выходили. — Я сплю.

Глава 2

Бабушки — очень странные люди. Есть подозрение, что они не умеют спать.

Когда Тася проснулась, в доме уже пахло, не поверите, чебуреками. Свежими, жирными и сочными.

— Доброе утро, ба, ты во сколько пришла?

— Да не поздно.

Тася уселась за стол за спиной у хлопчущей у плиты бабушки.

— Ба, мне сегодня опять снился кошмар.

Бабушка повернулась к Тасе, уперев одну руку в разделочный стол, а другую водрузив на пояс. Эта поза значила полнейшую вовлеченность.

— Мне снится вот этот бред постоянно. Сначала меня поезд сбивал, теперь... — Девушка замялась. — Теперь маму...

Эти слова комом подступили к горлу, глаза начало пощипывать от наворачивающихся слез.

— Сегодня мне приснилось, что ее сбил поезд, а я плакала. А потом голос сказал, что у меня есть 40 дней, чтобы с ней попрощаться.

Бабушка сменила опорную ногу.

— А если этот сон...

— Ты думаешь, у него есть значение?

— Угу... — губы девушки тряслись, а слезы предательски скатились до подбородка.

— У твоих снов никогда не было прямого значения.

— Угу...

Бабушка плавно подошла и села напротив, меняя взгляд с одной влажной щеки на другую. Ее теплая ладонь накрыла Тасину руку.

— Если считаешь, что у сна есть значение, засеки время.

Тася немного похолодела макушкой.

Бабушка продолжала:

— Сорок дней? Ну вот и отметь, какого числа эти сорок пройдут... А когда пройдут, наконец расслабишься. Я уверена, это просто подростковый страх.

Похоже, девушка услышала именно то, что нужно было в тот самый момент. Она шмыгнула растаявшим носом, потерла рукой подбородок и выдохнула:

— Поставлю напоминание, — заключила девушка, доставая телефон.

Завтрак был настолько хорош, что трудно представить более идеальный. После такого завтрака и полежать хочется. Но у Таси, как у любого самостоятельного человека, есть куча самых разных, очень важных дел.

Не стоит пугаться того, что бабушкин дом расположен ровно напротив кладбища. Когда-то кладбище было дальше, но со временем город разрешил увеличить его немного. Потом еще немного. И, наконец, стало очевидно, что у бабушки появились самые тихие соседи. Поговаривают, у таких соседей всегда можно позаимствовать чего-нибудь к чаю.

Тася вышла за железную калитку, вдохнула чудесный весенний воздух. Он пах сырой землей и чем-то сладким. Возможно, где-то уже что-то цветет... На проводах ютились воробьи, щебетали и копошились, то слетая вниз, то взмывая обратно. Под ногами чавкала грязь. Уже видно было новую зеленую траву.

Тася, выбирая самые сухие кочки, поскакала по проселочной дороге, вдоль тихих соседей прямо на автобусную остановку, чтобы ехать по всем важным делам на сегодня.

Из дел на сегодня:

Практика по вождению,

Репетитор по физике,
Заскочить к маме на работу (по возможности).

Тасина мама систематически передавала бабушке разного рода провиант: лекарства, пряжу, все, что считала не хватает пожилой женщине. Девушка выступала рядовым посыльным с тех пор, как решила на время переехать.

Ну а после у Тази была работа. По вечерам девушка помогала с раскладкой товара в магазине, стажировалась перед работой продавцом на лето. Она уже знала, что работать продавцом, да и в целом работать ей, мягко говоря, не нравится, но за нее договорились родители с самим директором магазина. Он, в свою очередь, обещал всему научить и немного заплатить несовершеннолетнему работнику. Поэтому Тася трудилась, так сказать, за доверие родителей.

К вечеру девушка совсем устала. Она снова ругалась с преподавателем по вождению. Он точно ненавидел женщин за рулем. Тася это знала, но доказать не могла. При любой, даже самой незначительной ошибке он кричал на нее, будто ей ничего не стоит выносить его ругань. Тася крепилась как могла, прежде чем начинать огрызаться, а затем он по привычке заканчивал занятие словами: «Я у тебя больше вести не буду!»

Иногда он переставал вести у нее занятие где-то в отдаленных уголках города, и Тася еще долго возвращалась пешком или даже вызывала такси. Если же скандал случался на площадке, это был подарок: оттуда до репетитора всего десять минут быстрым шагом.

Впрочем, девушка не унывала. После каждой ссоры с инструктором она будто выдыхала. Он не был опасен, рук не распускал, только краснел и орал, брызгая потом и слюной. А она орала в ответ. Орала за свою правоту, орала и за неправоту, за все кошмары, страхи, глупые диалоги со сверстниками. Орала так, как нельзя было разговаривать с преподавателями. А когда он вновь ее высаживал у дороги, шла гордая и немного вприпрыжку. С открывшимся вторым дыханием к этой сложной жизни.

С физикой все было иначе. Грузная женщина в годах, прихлебывая чай и переходя на истории своей дивной молодости, выкладывала Тасе все, что было прекрасного в ее предмете. Тася всегда закладывала на час больше, чем нужно — не столько для задач, сколько для рассказов о приключенческой жизни советского физика.

— ... Смотрю, а он забор, штакетник, между собой с двух сторон крепит. Понимаешь? Сверху и снизу. Я ему говорю: «Морозов, ты что? Совсем чрезвычайный? Крепить надо с одной стороны, чтобы степени свободы, так сказать, оставить».

Он со мной, Таська, не спорил. Как жена сказала... Все для меня. Тем более я этот сопромат как семечки...

Ну стянул он эти доски по низу. А ночью как раз ветер, дождь. Выхожу с утра на крыльцо, а мой-то забор весь сложился.

Морозов смеялся... Говорит: «По науке мы уже сделали, давай теперь по-человечески...»

И пожилая учительница хохотала, вытирая слезы выцветшим платочком. Ее грузное тело сотрясало от смеха.

— ... Я это его по науке на всю жизнь усвоила, — сбиваясь с дыхания, заключила она.

— Вот это — момент силы, — завороченно произнесла Тася. — И что, даже не ругались?

— Да уж ругались, наверное, не помню. Но по пустякам. Серьезно не ругались никогда, — ответила женщина, раскрасневшаяся от горячего чая и веселых воспоминаний.

— Мы, Тась, когда познакомились, сразу поняли, что жить нам вместе всю жизнь, — глаза учительницы слегка поднялись к потолку, видимо вороша в сознании какие-то теплые воспоминания. Но муха, пролетевшая у самого носа, перебила паузу. Женщина подняла со стола исписанную ею тетрадь, бегло свернула и махнула на расстоянии руки.

— Ты смотри, проснулись уже... — возмутилась учительница, провожая муху взглядом до самого окна.

Вечер был неожиданно теплым и безветренным. Весна рьяно наступала на маленький городок. У магазина, где Тася работала, толпились уличные коты. Задржав хвосты, они напирали на всякого выходявшего сотрудника в форменном халате. Терлись о ноги, мурчали и мяукали. В магазине и далеко вокруг пахло пряной курочкой гриль. А от мойки на углу доносился запах порошка и чистоты.

Тася заполняла банками холодильник, расставляя разные цветовые акценты. Она сильно устала думать, и вынужденная рутина ей удавалась сегодня лучше всего.

— Мусор захвати! — послышался такой же усталый голос продавщицы.

Тася молча подняла опустевшую коробку из-под банок с газировкой, вложила в нее пакет, подготовленный у прилавка, и понесла на улицу. Аккуратно ступая по ступенькам, жалея каждое голодное животное, сошла на безлюдную улицу, повернула за угол и... Встала в очередь?

Перед урной стоял мужчина лет двадцати пяти и лихо забрасывал мешки в мусорный бак.

Тася никуда не спешила. А куда ей спешить? С холодильником она уже вдоволь поиграла.

«Да и если подойду ближе, этот длинный меня мешком прихлопнет по неведению», — так она решила.

Когда наступила очередь Таси, мужчина обернулся. Это был темноволосый худощавый молодой человек в дешевой футболке и таких же невзрачных спортивных трико. На поясе повязана какая-то ветровка. На ногах — неплохие новенькие брендовые кроссовки. Глаза большие, удивленные.

— Давай? — протянул свои длинные руки девушке.

Тася отдала свой мусор и отступила.

Мужчина закинул коробок поверх всего и пошел по направлению улицы. Дойдя до поворота, оглянулся.

— Идешь? Или тут останешься? — немного усилив голос, поинтересовался он.

А что ей еще делать? Стоять у бака? Конечно, она идет. Только куда и с кем?

Неспешными, подозрительными шагами Тася поравнялась с мужчиной и отвела взгляд.

— Пойдем, провожу... — улыбнулись глаза.

— Куда? — машинально поинтересовалась Тася.

— До входа, — уже смеясь, заключили глаза.

Тася вошла в магазин немного растерянной.

— Мусор захвати! — снова раздался голос.

— Сама неси, — оборвала Тася.

Глава 3

С тех пор как Тася засекала время, кошмар с поездом отступил. Сны стали приятными, приглушёнными. А жизнь, наоборот, наливалась красками по мере прихода тепла.

День становился длиннее. Появилась возможность гулять после школы — перед работой, а не прятаться от холода по домам. Да и сама работа стала оживлённее. Вечером всё чаще приходили весёлые компании, набирали много продуктов, бакалеи. Не спеша знакомились и соревновались в харизме с продавцами. Кошачий улей редел, вытесняемый оживившимся городом.

Помимо мойки за углом и Тасиного продуктового, на улице открылся небольшой книжный магазин. Когда девушка была ребёнком, она часто бегала в единственный в городе магазин канцелярии, смотрела на разного рода штучный товар: тетради с уникальными обложками, фломастеры с блёстками, краску в тюбиках. Это было безумно круто и дорого, поэтому хотелось хотя бы пощупать корешки, так сказать. Там продавались и книги.

В таких местах, где прилавки завалены всякой всячиной, не любили детей. Безусловно, товары там покупались именно детьми, но только в сопровождении взрослых. Ребёнок без сопровождения — или, не дай бог, несколько детей без родителей — вызывали агрессию у продавцов. За ними пристально следили, а когда магазин заполнялся покупателями, просто выгоняли на улицу.

— Мало ли чего наворуете! — кричали маленьким любопытным через порог.

Тася слышала это часто, но никогда не была агрессором. Как только женщина из-за прилавка нацеливалась выгнать кого-то, Тася выходила сама. Чего расстраивать человека.

А однажды Тасю всё-таки вытащили из магазина за ухо. Конечно, она своровала... Один ластик, очень красивый. Не брала больше ничего. Даже не собиралась. Но и не раскаялась. Ухо болело сильнее, чем душа.

К сожалению, ластик у неё стянули в школе на следующий же день, поэтому она снова не раскаялась, а переложила грех на того, кто нагло порылся в её пенале.

Итак, осталась только обида на продавцов канцелярии. Больше она ничего не искала интересного среди подобных товаров. Если что-то требовалось, просила купить маму или отца. За книгами и газетами ходила в городскую библиотеку. Именно поэтому новый книжный магазин она не посетила ни разу с момента его открытия.

— За что терпеть не могу весну, так это за физкультуру на улице, — выдохнула раскрасневшаяся Маша Семенова.

— Ты дыши, дыши. Меньше разговаривай, — одернула её Рита Столбова.

Рита и Тася расхохотались так громко, что учитель на другом конце поля выставила им оскорбляюще-воспитывающий кулак.

— Я вам лебедей сейчас в журнал нарисую! — крик пронёсся сквозняком мимо бегущих девушек.

— Она правда нас на забег записала? — уже полупшепотом спросила Тася Риту, смотря себе под ноги.

— Увеличили темп! — раздалось снова.

— Да, я видела списки, — так же тихо ответила Рита.

— Какого хрена? — выругалась Маша, проскальзывая на щебенке ногой. — И сколько километров?

Маша Семенова была, как это говорится, самой красивой девочкой в классе. Худенькая, с идеально прямыми волосами и чёлкой Мальвины. Она приятно одевалась, делала макияж и ногти. В её сумке никогда не находилось места учебникам, но всегда лежала помада — жидкий

блеск. Она аккуратно вела социальные сети и непременно вручала телефон каждому, кто окажется с ней в красивой обстановке, чтобы тот счастливчик обязательно её сфотографировал.

Бегала Маша скверно и с удовольствием отсиживалась бы на скамейке, но культура старших классов такова, что если ты не занимаешься спортом, то обязательно должен удрать с урока, иначе тебя всё равно поставят в один строй с теми, кто не нашёл себе оправданий. А за прогулы преподаватель физкультуры докладывал лично своим соседям — Машиным родителям. Так и телепалась бедная девушка в составе бегущих, задавая темп приколисткам-подружкам.

— Так что, вас сегодня отпустят? — Рита хотела знать наверняка, состоится её запланированная ночёвка, или можно сдуть шары.

— Я буду, — отрезала Маша резко, чтобы не сбивать дыхание.

— Я бабушке после работы позвоню, думаю, проблем не будет, — и Тася пригнулась от летящего в их сторону мяча.

— Лучше бы так бегала, как болтаешь!

— Ба! Слышишь меня? — прикрывая левое ухо и прирастая правым к телефону, проговаривала по слогам Тася.

— Шумно у тебя... — раздалось в трубке.

— Пятница, — многозначительно оборвала Тася.

В магазине толпился народ. Вечер этой пятницы был труден. Разобрали большую часть алкоголя, мангалы и розжиги. Тасю отправили доукомплектовать зал, но пробраться сквозь людей было настолько трудно, что даже невежливо. Грудью напирали на холодильник с мясными заготовками.

Отлучаться было нельзя. Но и затягивать со звонком не хотелось — бабушка будет ждать её хоть всю ночь. Тася присела на корточки, уперлась рукой в свои коробки с товаром на выкладку, чтобы их не запихнули толпы ног обратно за прилавок, и, решив, что так она как минимум в домике, пыталась донести свою идею до пожилой, ждущей её женщины.

— Я сегодня хочу на ночёвку с девочками, можно?

— Тась, перезвони. Не слышу ничего.

— Я говорю, на ночёвку...

Звонок завершился.

— Привет, — раздалось над головой девушки незнакомое приветствие.

Тася обернулась. Ей протягивал руку парень с мусорки.

Сегодня он выглядел лучше. Лёгкие коричневые брюки, светлое поло, тёмная толстовка повязана вокруг шеи. На руке спортивные часы.

— Добрый вечер, — поднимаясь с пола, ответила Тася.

Мужчина смотрел на неё сверху вниз с заигрывающей улыбкой. Белые ровные зубы оголены узким ободком губ.

— Бери мусор, пошли, — оборвал он насмешливо.

Тася замаялась. «Какой приятный, взрослый парень ко мне прицепился», — заметила про себя. И что ему нужно?

«Моё любопытство безвредно», — заключила она про себя.

Наспех собрав какие-то коробки, подняв их над головой, девушка ловко просочилась через шумных покупателей и замерла на крыльце прямо за дверью.

На улице по сравнению с магазинным залом было абсолютно тихо. Немного слышались вдалеке разговоры уходящих мужчин и женщин. Редко проезжала машина. На мойке глухо шипел керхер. Одиноко склонили головы фонари.

— Звони, кому надо там, — произнёс стоящий сбоку от двери мужчина. И немного невежливо схватил коробки. Унёс.

Теперь бабушка узнала всё о планах Таси на ночь, немного посетовала на стынувший борщ (ведь борщи, когда остывают, уже становятся другими, совсем не такими вкусными) и завершила диалог так:

— Перед сном скажи: «Сплю на новом месте, приснишь жених невесте!» Потом расскажешь, что видела.

— Получилось? — слышалось прямо за спиной.

— А, да... просто там шумно... Я бабушке...

— Пожалуйста.

Мужчина улыбнулся, сверкнул глазами и протянул руку.

— Заходи как-нибудь к нам в магазин, — он повернул голову по направлению к книжному и добавил: — У меня много всякого.

— Обязательно... — Тася выдохнула и растеклась в настоящей искренней улыбке.

— Я, девчонки, вам говорю, он ко мне клеится! — утвердила захмелевшая от усталости позднего вечера Тася.

— По любому, — вторила Рита, провожая очередную конфету себе в рот.

Рита напоминала скорее мальчика, чем девочку. Она была хорошо сложена, но в отличие от остальных сверстниц обладала очень развитой мускулатурой рук и ног. Рюкзака у неё не было — она носила спортивную сумку с очень вытянутым ремнём, так что сумка волочилась в районе колен, небрежно подталкивая девушку при ходьбе. Гардероб односложный: джинсы, футболки, дутые куртки. Но в паре с этим шла невероятная девичья харизма.

Однажды, прогуливаясь с Тасей по улице, Рита заметила ворона за интересным занятием. Он пытался разбить грецкий орех, чтобы полакомиться содержимым. Птица подлетала вверх, на высоту макушек деревьев, и сбрасывала орех на асфальт. За неудачной попыткой следовала вторая. Рита, как охотница, прекратила разговор и прислушалась. Когда скорлупа треснула, она подбежала к месту падения добычи и, опередив ворона, схватила две ровные половинки. Ворон остался ни с чем. Тася отказалась от угощения не потому, что категорически не хотела, а потому что была немного шокирована способом его добычи. Девушки продолжили разговор, только Рита ещё немного причмокивала — то ли от вкусового наслаждения, то ли от ощущения своего превосходства.

У Столбовых дома было очень много занимательных вещей, интересность которых Рита даже не осознавала. Отец семейства владел каким-то бизнесом. Он редко бывал дома, поэтому девушки никогда лично его не встречали. Мама Риты — акушерка — по ночам бывала дома крайне редко, но её хотя бы можно было встретить перед уходом на смену. Сегодня гости застали маму Риты уже в коридоре:

— Здравствуйте, тетя Надь!

— Привет, девчонки. Там на плите мясо по-французски, съедите, противень водой залейте, а то утром не отскребу.

— Принято! Вы на всю ночь?

— Чтобы тут никаких парней! — грациозно пригрозив пальцем, добавила: — Никогда среди бела дня никто рожать не хочет.

Кому уж она это сказала, девушки не поняли. Они попрощались с Ритиной мамой и забылись в зал, где их ждали чипсы, кола и бесконечное и всеобъемлющее «сплетничество».

«Какими могут быть девичьи вечера?» — спросите вы. Наверное, они у всех похожи. Обсуждаются все одноклассники, так или иначе привлекающие внимание. Безусловно, одноклассники — это фу, но только до того момента, пока они не понравятся кому-то вне класса. Как только за границей привычного состава учащихся возникает союз с кем-то из «своих», это непременно вызовет резонанс. Скорее всего, у взрослых всё почти так же, но с чем имеем дело. Класс, как стабильная единица, должен оберегать чистоту отношений.

— Ну, конечно, ему как минимум родители подарят машину на выпускной. Вот она и вцепилась...

— Кому подарят? Ему сейчас даже на карманные не дают, чтобы он не спустил всё на сигареты.

— Зато он добрый.

— Ага, и толстый.

— погоди, ты ж сама его на Новый год отшила...

Они болтали и болтали. Рита пару раз предлагала выпить мамино шампанское из серванта, но совесть взаймы не возмёшь. И девушки вновь отпивали из декоративных бокалов, специально созданных для распития алкоголя, свою шипящую колу.

— Тась, всё, с тебя фокус, — ткнула Рита пальцем прямо по середине лба Таси.

Дело шло к утру, девушки погасили свет и попадали на подушки.

— Тащи нитку! — Тася будто ждала, когда её попросят.

Она повязала обеим девочкам кусочки швейной нити вокруг мизинцев.

— Если будет давить, немного отпустите, — Тася подержала каждую девушку за мизинец, запоминая цвет и текстуру повязок, затем закрыла глаза и воспроизвела их в памяти настолько точно, что даже тугость узелков имела значение.

— Я теперь точно не усну, — поджав под голову подушку, прошептала Маша.

— Тогда кина не будет! Спи давай, — и Тася, оглянув ещё раз тёмную комнату, обняла свернутое одеяло и начала проваливаться в сон.

Глава 4

Девушки нашли друг друга устроенными на известняковых блоках — бело-серых, неровных по краям, устланных материями пурпурных и жёлтых оттенков. Вокруг, в белом свете высоко стоящего солнца, множество цветов, усаженных в вазы такого же оттенка, что и их импровизированные скамьи. Над головами машут опахалами красивые мужчины, обёрнутые льняными полотнами вокруг бёдер. У ног — блюда с фруктами, колбасами, кувшины с вином и убранные золотом кубки.

Девушки осмотрели друг друга. Каждая была заплетена в искусные косы, столлы красно-жёлтого цвета ниспадали пышными воланами до земли, на каждом витке скопились десятки лепестков алых роз.

Рита ощупала украшения на запястьях и плечах — массивные золотые браслеты, напоминающие драгоценные оковы. Недовольно вздёрнула бровь.

— Девчонки, я так чувствую, — шутливо отозвалась Тася.

Вдруг всплеск шумных оваций привлёк внимание девушек, и они устремили взгляд прямо и вниз. У самого подножия трибун с грохотом от колёс и копыт двигалась вереница из дюжины колесниц. На них, держа в руках лорум для погони лошадей, стояли прекрасные в своём однообразии спортивных грудей мускулистые мужчины.

Они благодарно принимали овации, на ходу разворачивали тела то к одной части песчаного цирка, то к другой. Махали зрителям и кланяли головы в сторону женских компаний.

Колесницы сделали два больших круга, прежде чем выстроиться прямо напротив лоджии Таси и девочек.

Маша подняла полы своего объёмного одеяния и начала плавно ступать вперёд. Глаза девушки заискивающе смотрели на Тасю. Та лёгкой улыбкой провожала её фигуру. Когда Маша подошла к краю своей трибуны, она гордо замерла. Овации затихли. Взглядом она окинула прекрасных здоровых мужчин, потом подняла руку к затылку и вынула розу из прически.

В мгновение волнистые густые локоны распались по плечам девушки. Она вытянула руку с кроваво-красным цветком перед собой, прождав несколько секунд, разжала пальцы.

Не успела роза приземлиться на белый песок, как заревели трибуны, мужчины в колесницах, зверски рыча, хлыстнули своих лошадей и рассредоточились по арене. Началась гонка.

Тася не позволяла Маше сесть — её силуэт был картинно прикован к тому месту, откуда упала роза. Магия Машиной красоты действовала ровно как на парней, так и на её подруг. Тасе хотелось, чтобы она красовалась перед теми героями, перед их обожателями. Маша стояла гордая, утончённая, неподвижная, словно памятник.

Рита, напротив, много двигалась: она опускалась к полу за кистью винограда, как только заканчивалась предыдущая, попивала из кубка, весело махала театру.

Как Тасе казалось, всё было на своих местах.

Внезапно солнце начинает затягивать тёмное нечто, поднимается ветер, он срывает цветы и одежды с людей. Вслед за одеждой люди рассыпаются песком. Трибуны остаются пусты и мрачны.

— Что происходит? — испуганно кричит Рита.

Богатые ткани на девушках растворяются, на их месте остаются длинные льняные рубахи, а голые стопы начинают вязнуть в песке.

Тася срывается с места и мчит к краю трибуны. На месте арены — чёрная страшная дыра.

— Так, если она говорит, значит это уже не мой сон, — взволнованно обдумывает Тася.

Оборачивается. Нет больше скамеек и фруктов в дорогих чашах, вокруг — тёмный непролазный пугающий лес.

— Останови это!

Тася смотрит под ноги подругам — они по колено увязли в грязном чёрном болоте.
— Не двигайтесь! — кричит она девушкам, и тут её голос заглушает гудок поезда.

В моменте Тася замечает, что стоит на рельсах железнодорожных путей. Бежать!.. Уже поздно. Девушка закрывает лицо руками и сталкивается с неизбежным.

Тася вскакивает на руках, её тело дрожит, слух приглушён сердцебиением.

— Какого хрена? — доносится сбоку от неё.

— Что-то пошло не так, — задумчиво произносит девушка.

— Мы уже поняли. Это тот твой поезд?

— Да.

С минуту Тася оставалась неподвижной.

— Простите, девчат. Пора собираться, — девушка скинула одеяло и молча ушла в туалет.

Все выходные Тася пребывала преимущественно в тишине. Словесной перепалки на уроке вождения не состоялось, но Тасю всё равно убрали за невнимательность. Физика прошла без заключительного чаепития. Душой Тася болела.

— Так что, приснился?

— Что? — возвращаясь в реальность, переспросила Тася.

— Приснился? — застенчиво поинтересовалась бабушка.

— Кто?

— Жених.

— А. Да. Был.

— Ну, как он выглядел? Красивый? — не отпускала женщина.

— Красивый, — выдохнула Тася.

— А глаза какие?

— Он был в шлеме, — Тася медленно поднялась со стула, проволочка кружку по обеденному столу и опустила её в раковину.

— Ничего не болит?

— Я вот не понимаю: мы с тобой таймер поставили, в окно я всё проговаривала, а он опять меня убил.

Бабушка экспертно скрестила пальцы у груди. Ей наконец всё открылось.

— Я в твоём возрасте тоже много о чём переживала. Помню, даже по-настоящему заболела, чтобы на контрольную не пойти. Ну не уверена была в своих силах, а двоек боялась. Не мои это оценки. Но жизнь-то не односложная. Нет-нет, отчебучишь чего — сам потом не знаешь, зачем. Носишь эту двойку в тетрадке, сна не видишь. А мамка у меня необразованная была, даже читала с трудом, писать совсем не умела, но мудрая была женщина, внимательная. Вроде и виду не подаю, сижу, уроки листаю, а она: «Что-то у тебя с настроением не то...» Ну повыворачиваешься как уж на сковородке, да и расскажешь...

— Я-то тебе уже всё рассказала, мне нифига не легче, — заерничала девчонка.

— Так она меня лечила.

Тася уставилась вопросительно на бабушку.

Бабушка неспешно повертелась на стуле, смотря под ноги, потом протянула в угол руку и схватила за рукоять веника.

— Я тебе дам, настроения у нее нет! — и как хлопнет хворостинами по ноге.

Тася взвизнула и побежала к выходу, но в проёме кухни до её спины снова дотянулся веник.

— Я тебе дам, есть она не хочет!

Тася подпрыгнула не столько от боли, сколько от возмущения и метнулась в коридор босиком, а вслед за ней вылетел злополучный веник.

— Придешь, как проголодаешься!

Тася стояла на пороге книжного магазина, облепленного шарами, довольно долго. Она не решалась зайти.

— Вот зачем ей туда? — теребил её внутренний голос.

Заходили люди, подвигая её плечами, а она стояла, вежливо пропуская каждого книголюба.

— Девушка, проходите? — на выходе стоял полный мужчина, желающий покинуть магазин.

— Я нет... А... Да.

Мужчина сделал шаг назад и повернул боком. По правде, он дал дорогу чисто номинально: по факту его бок преграждал больше дороги, чем анфас.

Тася метнула взгляд внутрь и, убедившись, что ей не знаком никто из посетителей, быстро вошла.

Книжный и впрямь был впечатляющий. Интерьер немного напоминал охотничье гнездо. Макеты ружей, массивные кресла по углам, декоративные дубовые столы. На них то ли декоративно, то ли ознакомительно лежали стопки книг в приятных твёрдых обложках.

Тася прошлась вдоль таких же стилизованных стеллажей из тёмного дерева, изучая обложки, и упёрлась в большой книжный шкаф, закрывающий стеклом коллекционные классические издания.

— Уже прошли в школе?

Этот странный парень снова появился из ниоткуда. Он стоял с Тасей в одной линии, не сводя глаз с первого тома «Войны и мира» — сами знаете кого.

— Нет. Точнее, я сейчас читаю... с переменным успехом.

— Уже пролистала описание дуба? — мужчина смягчился.

Тася не смогла сдержать порыв:

— Вот вы все смеётесь над этим дубом, а хоть бы раз вчитались в смысл! Там суть в том, что Андрей Болконский видит этот дуб ранней весной. Он там, естественно, корявый и страшный. А в следующий раз — уже почти летом, и он расцвёл. Почему? А Болконский за это время влюбился и тоже расцвёл...

Тася выдохлась и столкнулась со смущением.

— Ну типа того... Понятно? — порыв надо было правильно завершить.

Красивые пронизательные глаза сверкнули интересом. Мужчина провёл взглядом по Тасиному лицу, потом взглянул на наручные часы.

— Где уже остановилась? — с его лица не спадала восхищённая улыбка.

— Не помню, могу в телефоне посмотреть...

— Вот что: сейчас тут достаточнолюдно. Мы работаем до девяти, потом я ещё час или полтора закрываюсь. Приходи в семь. Открою тебе этот шкаф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.